

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

УБИЙСТВО
В ДЕКОРАЦИЯХ
ЧЕХОВА

Анна Князева

Убийство в декорациях Чехова

Серия «Лионелла Баландовская.

Светский детектив», книга 3

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56572880

Убийство в декорациях Чехова. Роман: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-114266-7

Аннотация

Актриса Лионелла Баландовская всегда мечтала сыграть на театральной сцене в постановке Чехова. И вот шанс представился – пьеса «Дядя Ваня», у Лионеллы одна из главных ролей. Однако не все так просто в провинциальном театре, куда пригласили Баландовскую. Небольшую труппу раздирают внутренние конфликты и противоречия, и, конечно, никто из местных не обрадовался приезду столичной звезды. А потом случилось непредвиденное: во время спектакля по гоголевскому «Вию» гроб с панночкой, летающий над сценой, сорвался с тросов и упал, актриса Карина Кропоткина погибла. И это уже не первый трагический случай в театре: за много лет до этого умерла другая служительница Мельпомены, молодая красавица Раиса Снегина. Именно ее призрак, как считают старожилы театра, с тех пор преследует актрис. Муж настойчиво уговаривает Лионеллу все

бросить и вернуться домой, но она не намерена отступать и готова принять участие в расследовании и нового, и старого преступления...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	53
Глава 6	63
Глава 7	72
Глава 8	81
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Анна Князева
Убийство в
декорациях Чехова
Роман

*Все персонажи и события романа вымышлены,
любые совпадения случайны...*

От автора

*** * ***

© Князева А., 2020

Глава 1

Не так, как хотелось

В первых четырех рядах зрительного зала плечом к плечу сидела труппа областного драмтеатра. Все слушали и смотрели на сцену, где, расхаживая, выступал худрук Виктор Харитонович Магит. Это был крупный пятидесятилетний мужчина в очках и с лысиной, окаймленной рыжими волосами.

– Нашему коллективу есть чем гордиться. В прошлом году труппа дала триста пятьдесят представлений, их посмотрело сто тысяч зрителей. С гастрольными спектаклями театр путешествовал по области, играл в Москве и других городах России. Это, так сказать, подведение итогов. Теперь поговорим о том, что ждет нас впереди. Новый сезон, как вы знаете, открывается завтра спектаклем по повести Гоголя «Вий». Должен заметить, что в нынешнем году труппу театра ждут серьезные вызовы.

Зайдя в световой круг, Магит прикрыл ладонью глаза и помахал осветителю:

– Гена! Свет убери!

Прожектор глухо пыхнул, и световой круг угас.

– Спасибо... – Виктор Харитонович продолжил: – В начале декабря нас ждет премьера. Признаюсь, выбор пьесы Чехова «Дядя Ваня» дался мне нелегко. Жизнь нынче тяжелая,

и люди хотят развлечений. Но мы-то с вами знаем, что одна из важнейших задач театра – воспитание зрителя. Нам нужно показать, что классика так же интересна, как и современное искусство.

Из-за кулисы послышалась реплика помрежа, усиленная микрофоном:

– Зритель хочет мюзиклы...

– В нашем репертуаре мюзиклы есть! – живо отреагировал Магит. – Пора замахнуться на вечное! Режиссуру спектакля я беру на себя. Концепция постановки такова: сосредоточиться на смыслах и восприятии, никаких громоздких декораций и сложных решений. Задача заключается в том, чтобы найти причины, по которым события, описанные Чеховым, могли бы произойти сегодня, и чтобы при этом со сцены не пахло нафталином.

– Когда будет распределение ролей? – спросил кто-то из зала.

– Актерский состав утвержден. Приказ сегодня будет висеть на доске. – Магит приложил руку ко лбу и взгляделся в зал: – Завтруппой! Терехина здесь?!

– Здесь! Здесь!

– Слышали? После собрания приказ должен быть на доске!

– Слышу! Слышу!

Из первого ряда поднялась примадонна Петрушанская, статная дама лет сорока восьми.

– В пьесе «Дядя Ваня» всего восемь действующих лиц.

– Ну почему же... Там есть девятый персонаж.

– Кто?

– Работник.

– Шутить изволите? – холодно улыбнулась примадонна. –

Лучше скажите: что будут делать остальные?

– Присядьте, Зинаида Ларионовна. – Магит указал ей рукой.

– Ничего, я постою.

– Ну вот всегда вы так, уважаемая.

– Как?

– Всегда в оппозиции.

– Я задала конкретный вопрос. Прошу объясниться. Что в этом сезоне будут делать артисты, не занятые в вашей постановке?

– Ответ очевиден: они будут играть репертуарные спектакли и бенефисы.

– Это все?

– В ближайшее время поставим что-нибудь массовое, с большим количеством возрастных ролей.

Упоминание о возрасте, казалось, не уязвило Петрушанскую, но она была хорошей актрисой и умела скрывать свои чувства.

– Надеюсь, это не будет «Чиполлино», Графиня-вишенка – отнюдь не мое амплуа.

– Зачем же «Чиполлино»? Возможно, поставим Робера

Тома. Почему бы нет? Давно о нем говорим... – расчетливо бросил Магит.

– «Восемь женщин»? – вздрогнула Петрушанская. – Вы серьезно?

– А что вас так взволновало? Хотите сыграть Габи?

– Отнюдь нет. – Зинаида Ларионовна горделиво вздернула подбородок: – Рассчитываю на роль Пьеретты.

– Ну хорошо! Об этом потом! – Виктор Харитонович сменил тему: – Сейчас хочу представить вам нового члена труппы, актрису из Москвы Лионеллу Баландовскую. Прошу любить и, как говорится, жаловать. – Он спустился в зал и, продолжая говорить, зашагал по проходу к одиннадцатому ряду, где в темноте сидела Лионелла. – Руководство театра пригласило ее на роль Елены Андреевны, жены профессора Серебрякова. Она любезно согласилась. Надеюсь, все слышали о сумасшедшем успехе Лионеллы Павловны после премьеры фильма «Варвара Воительница».

Сидевшие в передних рядах обернулись, чтобы рассмотреть столичную «диву». Глухо пыхнул прожектор, осветив Лионеллу, и она приветственно помахала.

Виктор Харитонович любезно поцеловал ее руку.

– Добро пожаловать в творческий коллектив.

– Спасибо.

– Надеюсь, вам здесь понравится. Люди у нас хорошие.

– Надеюсь.

Из глубины «творческого коллектива» послышался жен-

ский ропот:

– Своих актрис нечем занять... Зачем везти из Москвы?

Магит вытянул шею и взгляделся в партер:

– Я все слышу, Кропоткина! После собрания зайдите ко мне в кабинет. Хотите высказаться – там поговорим! И предупреждаю! Завтра в одиннадцать утра первая читка «Дяди Вани». Тех, кто занят в постановке, прошу не опаздывать!

– Виктор Харитонович! – в динамиках прозвучал голос помрежа. – Пришел сотрудник ДПС.

– Что ему надо?! – крикнул Магит.

– Он спрашивает: чей «Бентли» припаркован на пешеходной дорожке в сквере?

– У нас никто не ездит на «Бентли»!

Лионелла вступила в центр светового круга и громко заявила:

– Это моя машина!

В зале повисла тяжелая пауза, по истечении которой Лионелла углубила трещину между собой и творческим коллективом:

– Скажите водителю, он переставит.

Тишина сменилась тихим многоголосьем, в котором различались отдельные фразы:

– На «Бентли»... С водителем... Барыня приехала, долой шапки, холопы...

– Прошу вас, пройдемте. – Виктор Харитонович взял Лионеллу под руку и буквально вывел из зала. В кулуаре зашеп-

тал громким шепотом:

– В самом деле, нельзя же так, драгоценная.

– В чем дело? Я сказала: в автомобиле сидит водитель.

– Вы приехали на «Бентли». Это нескромно. Зачем же дразнить гусей? Здесь вам не Москва. Актеры получают небольшие зарплаты, а тут вы на своем «Бентли», да еще с водителем. Вас уже невзлюбили, зачем же усугублять?

– Сами сказали, что люди у вас хорошие, – заметила Лионелла.

– Голубушка, не до такой же степени. Вы что? Не служили в театре?

– Нет, никогда.

– Тогда вам придется туго.

– Я так не думаю.

– Поверьте мне, я стреляный воробей. При мне в этих стенах разыгралось много трагедий. Здесь все едят всех. Не успеете оглянуться, как в вашу ногу или, того хуже, филейную часть вопьются чьи-нибудь зубы. Разумеется, я выражаюсь фигурально.

– Что же мне делать?

– Избавьтесь от машины. Скажите водителю, чтобы возвращался в Москву.

– И как, по-вашему, я буду передвигаться по городу?

– Где вы остановились? – спросил Виктор Харитонович.

– За городом. В пятнадцати километрах. Помощник мужа снял для меня особняк.

– Дражайшая! Умоляю, не говорите об этом в коллективе... – Магит перешел на трагический шепот. – А лучше переезжайте в гостиницу, поближе к театру. Так будет меньше разговоров. – Он огляделся и прислушался. – Теперь мне нужно вернуться в зал.

– А мне?

– Вы лучше уходите. И не опаздывайте завтра на читку.

– Я помню: в одиннадцать.

– Учтите, что любую вашу оплошность будут рассматривать под лупой и вынесут на всеобщее обозрение.

– Я буду осторожна.

– И не заводите друзей. Доверительность сослужит вам дурную службу.

– Постараюсь быть отстраненной.

– Отстраненность спишут на столичную «звездность».

– Да, вы со всех сторон меня обложили!

– Не я, а творческий коллектив. Но у вас есть шанс все исправить.

* * *

В вестибюле Лионеллу встретил сержант дорожно-патрульной службы:

– Нехорошо, гражданочка, оставлять транспортное средство на пешеходном тротуаре. Придется платить штраф. Что ж у вас, в Москве, все так паркуются?

– При чем здесь Москва? – спросила Лионелла.

– Номера на автомобиле московские.

– А вам это не нравится?

– Я при исполнении! Идемте к машине!

Водителя в салоне «Бентли» не было, он прибежал спустя минуту, бледный от пережитого испуга:

– Простите, Лионелла Павловна! Всего на несколько минут отлучился по нужде.

– Предъявите водительское удостоверение и документы на транспортное средство! – прикрикнул сержант.

– Сейчас... сейчас... – Водитель достал бумажник.

Вскоре мужчины отправились к патрульной машине, а Лионелла уселась в «Бентли» и позвонила помощнику мужа:

– Снимите мне номер в гостинице. Где? Поближе к театру. На сколько? Так же, как особняк, – месяца на три.

Глава 2

В такую погоду хорошо повеситься

Утро началось с неприятности. В гостинице, где поселилась Лионелла, не оказалось парикмахерской, и ей самой пришлось укладывать волосы. С непривычки она сильно замешкалась. К макияжу приступила в начале двенадцатого, когда в театре уже началась читка.

С ее стороны это было крайне безответственно, да и в целом ситуация выглядела не лучше: что плохо началось – то плохо продолжилось.

Она уже надевала платье, когда в номер постучали.

Лионелла открыла дверь. На пороге стоял ее муж Лев Ефимович Новицкий, элегантный седоволосый мужчина без возраста. Он был худощав, хорошо сложен и одет в темно-синий костюм, сшитый на заказ у лучшего портного Москвы. Словом, с момента расставания, за два прошедших дня, в нем ничего не изменилось.

Увидев мужа, Лионелла повернулась к нему спиной:

– Пожалуйста, застегни!

Лев Ефимович застегнул молнию на платье жены и поинтересовался:

– Не удивилась?

– Некогда. Опаздываю на читку в театр. Собственно, уже

опоздала. Зачем приехал?

– Узнал, что ты отослала машину в Москву. Подумал: с чего бы это? Решил проверить, все ли в порядке.

– Мог бы позвонить.

– Хотел сделать сюрприз.

– Проехать триста километров ради сюрприза? Это на тебя не похоже. Неужели ревнуешь?

– Хотелось бы, но ты не даешь поводов. – Он затворил дверь, прошел в комнату и обнял жену: – Как у тебя сложилось?

– Плохо. Труппа отнеслась ко мне с холодком. – Лионелла торопливо перебирала коробки с туфлями и раскидывала их по комнате.

– Которые ищешь? – Спросил Лев Ефимович.

– Черные на шпильке...

– Да вот же они, – муж протянул коробку.

– Спасибо! – Лионелла надела туфли, потом спросила: – Ты на машине?

– Разумеется.

– Подбросишь до театра?

– Идем.

Уже в машине, устроившись на заднем сиденье рядом с мужем, Лионелла поинтересовалась:

– Возьмешь ключи от номера или снимешь свой?

– Ни то ни другое. Я уезжаю.

– Куда?

– Обратно в Москву.

– Мог бы ненадолго остаться.

– Не могу. Вечером – совет директоров.

– И все-таки зачем ты приехал?

Лев Ефимович сдержанно улыбнулся:

– Мне вдруг показалось, что ты откажешься от этой глупой затеи и мы вместе вернемся в Москву.

– А как же контракт?

– Разорвем.

– Ты говоришь так, как будто все решил за меня.

– Мне просто показалось.

– Но я всегда мечтала играть в театре.

– Для этого не надо уезжать в тьмутаракань. – Лев Ефимович обнял жену за плечи, притянул к себе и поцеловал в висок. – Ты можешь играть в Москве.

– Меня туда не зовут. – В голосе Лионеллы прозвучала обида.

– Это легко устроить.

– По блату?

– Почему бы нет?

– Знаешь, как говорят в театре? Можно получить роль по блату, но сыграть ее по блату нельзя.

– Ты хорошая актриса. Тебе недостаточно кино? Вчера прислали очередной сценарий. Который по счету?

– Уже не помню.

– Да ты хотя бы читаешь их? – с усмешкой спросил Лев

Ефимович.

– Нет.

– Почему?

– Все не то.

– Тебе, я вижу, не угодить.

– Хочу работать в театре! – повторила она. – Хочу играть Чехова! Мне сорок два года. Двадцать лет из них я просто была женой богатого мужа. Но кто я сама? Хочу в этом разобратся.

– Ну, хорошо... – Лев Ефимович покосился на водителя и понизил голос: – Тебе известно, кто оформляет спектакль?

– Не понимаю...

– Художник-постановщик спектакля – Кирилл Олышанский.

– Ты шутишь? – Лионелла с удивлением отстранилась.

– Отнюдь, – сказал Лев Ефимович и похлопал водителя по плечу: – Приехали, Василий. Вот он – театр.

– Я об этом не знала, – запоздало ответила Лионелла.

– Он тебе не сказал?

– Мы с Кирой давно не виделись.

– При этом живете в одной гостинице и на одном этаже.

– Послушай, Лев! – Лионелла развернулась к мужу и посмотрела ему в глаза: – Наша с Кирой история закончилась больше двадцати лет назад. Если бы я хотела, давно бы ушла от тебя к нему.

– Тихо... тихо... Никто об этом не говорит.

- И все-таки ты ревнуешь.
- Признаюсь, да. Но согласись, я мужчина.
- Как ты узнал, что Кирилл живет в моей гостинице?
- Мы встретились у двери твоего номера. Мне показалось, он шел к тебе, но, заметив меня, отправился дальше по коридору.
- Какая досада. – Сказав эти слова, Лионелла опустила глаза.
- Досада, что Кирилл не зашел? – съязвил Лев Ефимович.
- Ты знал про него еще до отъезда из Москвы, но почему-то соврал. – Лионелла открыла дверцу и выбралась из машины. – Давай договоримся так: к этому вопросу мы больше не возвращаемся.
- А если возникнет повод? – спросил Лев Ефимович.
- Он не возникнет.

* * *

- Добрый день, Лионелла Павловна! – Магит встал из-за стола. На его лице застыла улыбка, но в глазах читался упрек.
- Лионелла подошла к длинному столу, за которым сидели два десятка артистов.
- Идите сюда, ваше место возле меня и Астрова. – Сказал Магит.
- Лионелла прошла дальше и села между худруком и фактурным мужчиной среднего возраста, с зачесанными назад

темными волосами.

– Знакомьтесь, исполнитель роли Астрова заслуженный артист России Валерий Семенович Мезенцев. Как теперь говорят, секс-символ нашего театра. Увидите у служебного подъезда толпы поклонниц, знайте: все к нему.

За столом послышались смешки, но они быстро стихли. Центром внимания по-прежнему оставалась Лионелла.

Она сказала:

– Прошу прощения за опоздание.

– Надеюсь, это не повторится, – заметил Магит и добавил: – Войницкого за артиста Строкова сегодня читаю я. Платон Васильевич отсутствует по уважительной причине. За вас... – он обратился к Лионелле, – читала Карина Кропоткина, она будет играть Елену Андреевну во втором составе.

– Очень приятно. – Лионелла с любопытством оглядела востроглазую брюнетку и вспомнила, что вчера за длинный язык худрук вызывал ее в свой кабинет.

– Продолжим читку с того места, где остановились, – сказал Магит и протянул Лионелле сколотые скрепкой листы: – Ваша роль. Начните с фразы: «А хорошая сегодня погода... Не жарко...»

– Где это? – Лионелла перевернула листы. – Где?

– После слов Войницкого: «Я молчу. Молчу и извиняюсь». Ищите... Это в начале. – Магит сел и уткнулся глазами в текст пьесы.

– Да, нашла. – Лионелла повысила голос и прочитала, чуть-чуть манерничая: – А хорошая сегодня погода... Не жарко...

– В такую погоду хорошо повеситься, – нарочито безэмоционально прочел Магит, и его слова прозвучали куда уместнее. С этого момента Лионелла читала так же, как он: ровно и без эмоций.

В перерыве между действиями Виктор Харитонович представил Лионелле актеров первого и второго составов. Она запомнила примадонну Петрушанскую, которая играла няньку Марину, ее дублершу, дебелую супругу худрука Веру Магит, и двух Сонь: плотную Самоварову и милое создание с грациозной шейкой – Анжелину Зорькину. Более разных Сонь представить было невозможно. Профессора Серебрякова, ее мужа по пьесе, играл пожилой актер Кондрюков, который идеально бы подошел на роль старика-лакея Фирса в «Вишневом саде» Однако подбор актеров – дело режиссера, а с ним, как известно, не спорят.

По окончании читки второго действия Карина Кропоткина обратилась к Магиту с просьбой:

- Можно уйти пораньше?
- С чего это вдруг? – удивился тот.
- Сегодня вечером я занята в «Вие».
- А где Костюкова?

Из-за шкафа вышла полная женщина со скрученным пучком волос и в вязаном пончо:

– Костюкова на больничном. Панночку играет Кропоткина. Разве не вы ее вызвали?

– В первый раз слышу! Костюкова когда-нибудь бывает здоровой?! – сверкнув глазами, справился Магит. – Скажите мне, Терехина!

Женщина в пончо вернулась на свой стул за шкафом, и оттуда прозвучал ее голос:

– Я – завтруппой, а не господь бог.

Сбавив тон, Магит оглянулся на Лионеллу и указал взглядом на женщину:

– Кстати, познакомьтесь, наша завтруппой – Елена Васильевна Терехина.

Та кивнула, и Лионелла ответила тем же.

– Ну так что? – напомнила о себе Кропоткина.

– Идите, – нехотя проронил Магит. – Хотя могли бы и задержаться. Времени до премьеры мало, а до спектакля еще три часа.

– Хочу внутренне настроиться, вжиться в роль, – сказала Кропоткина.

– Побойтесь бога, голубушка! – одернула ее Петрушанская. – Во что там вживаться? У вас всего несколько фраз. Пять минут в гробу помотают, и вся недолга.

– Маленькие роли играть сложнее! – занозисто возразила Кропоткина. – Но вам этого не понять: вы таких не играли.

– Что?! – Петрушанская переменилась в лице и оглядела присутствующих: – Я не играла? Да я после училища пять

лет с «кушать подано» выходила и свое место под солнцем заработала потом и кровью. А в ваши годы, голубушка, играла героинь в первом составе, а не на подмене, как вы.

– В мои годы, может, и играли, – огрызнулась Кропоткина. – А в свои годы старух играет.

– Это грубо, – отчетливо проронила Лионелла, и все взгляды обратились к ней.

– Чего? – удивилась Кропоткина.

– Хотите быть стервой?

– Хотя бы...

– Стервозность – особенность ухоженных женщин. А вы – просто хабалка.

– Да кто вы такая, чтобы так говорить? Артистка из погорелого театра! Снялась в одной ленте и возомнила о себе бог знает что!

– Во-первых, не в одной, а в четырех¹. – Лионелла говорила ровно и убедительно. – Во-вторых, у вас жирные волосы и нет маникюра.

– Себя в зеркале видела?! Ну хорошо... Ты меня еще вспомнишь!

– Вспомнить? Вас? – Лионелла делано рассмеялась и повела плечом. – Да я и запомню-то вас едва ли.

– Тварь!

– Кто-нибудь! Заткните ей рот! – Не отрывая глаз от Кро-

¹ Читайте об этом в книге Анны Князевой «Прощальный поцелуй Греты Гарбо».

поткиной, Петрушанская встала со стула. – Иначе это сделаю я!

– Немедленно прекратите! – Магит вскочил на ноги и хлопнул пьесой об стол так, что взвихрилась пыль. – Здесь вам не базар, и вы не торговки! Кропоткина – вон из комнаты! – Он перевел взгляд на Петрушанскую: – Постыдились бы, Зинаида Ларионовна! Заслуженные артистки так себя не ведут.

Проводив взглядом Кропоткину, Петрушанская дождалась, пока за ней закроется дверь.

– Конечно же, глупо. Простите.

– А вы?! – Виктор Харитонович посмотрел на Лионеллу разочарованным взглядом. – Где ваша сдержанность? – Он собрал разрозненные листки пьесы, сложил их в стопку и сунул в портфель. – На сегодня закончили! Завтра – в одиннадцать. Прошу не опаздывать!

Все стали расходиться, но Лионелла сидела за столом до тех пор, пока не осталась наедине с Магитом.

– Вы разочарованы? – спросила она. – Вам кажется, что, пригласив меня, вы ошиблись?

– С чего это вдруг?

– Я все вижу.

– Это первая читка. По ней сложно судить.

– Вы зрелый человек, вам не к лицу врать.

Виктор Харитонович сел за стол и сцепил руки в замок:

– Уважаемая Лионелла Павловна, поймите меня правиль-

но. С одной стороны – неоднозначная читка, с другой – давление коллектива...

– С третьей стороны – мое поведение, – добавила Лионелла.

– И, должен заметить, это самое худшее. – Магит с сожалением взглянул на нее. – У вас непростой характер.

– Скажем так: он у меня есть.

– Я недооценил вас, когда говорил о зубах и филейной части. В нее скорее вцепитесь вы, и я бы не хотел оказаться тем человеком. У нас с вами как-то не складывается.

– Хотите, чтобы я отказалась от роли?

– Хочу.

Немного помолчав, Лионелла проронила:

– Ну, нет.

– Что? – уточнил Виктор Харитонович.

– Пожалуй, я задержусь.

Он опустил глаза:

– Ваше право. У нас контракт.

– Но я даю вам слово: как только пойму, что не справлюсь, – уйду сама.

Глава 3

Закулисье

Как ей показалось, она чересчур поспешно вышла из репетиционного кабинета. Но, если бы Лионелла могла видеть себя со стороны, ей бы понравилось: она вышла уверенно и спокойно.

Спустившись по лестнице, Лионелла вошла в темную анфиладу кулуаров. В голове в такт шагам звучали слова Магита: «У нас не складывается... не складывается... не складывается...»

На карту было поставлено многое: актерское мастерство и вся ее жизнь, казавшаяся теперь пустяком. Что ни говори, а в сорок два года осознать такое было непросто.

За ее спиной раздался басовитый мужской голос:

– Та самая звезда...

Лионелла обернулась и искала глазами того, кто произнес эти слова. Из темноты кулуара выступил высокий, ладно скроенный бородач:

– Далекая и манящая...

– Вы про меня? – уточнила она.

– Да.

– Считаете это романтичным?

– Что именно?

– Такой способ самоподачи.

– Не понравилось? – Он подошел ближе.

– Вы меня знаете, но я-то вас – нет.

– Мое упущение, – он протянул руку ладонью вверх и, когда она вложила в нее свою, запечатлел на ней поцелуй. – Платон Васильевич Строков. Можно просто – Платон. Позвольте вас называть Лионеллой или Лионеллой Павловной?

– Как больше нравится. – Она чуть заметно улыбнулась: – Значит, будете играть роль Войницкого?

– Так точно. С Астровым уже познакомились?

– Мезенцев в отличие от вас участвовал в читке.

– Жалею, что не мне досталась его роль. – Строков деликатно взял ее под руку и повел по анфиладе. – Но что поделывать... Секс-символ тоже не я.

– Если честно, ничего особенного в вашем секс-символе я не заметила.

– Только не говорите ему об этом.

– Делите роли?

– С Мезенцевым? Как и в любом другом театре. Новых постановок – раз-два и обчелся. А играть все же хочется. Да что я вам говорю? Вы же актриса.

– Из погорелого театра, – усмехнулась Лионелла. – Так сегодня меня назвала Кропоткина.

– Не обращайтесь внимания. Кропоткина – злобная и скандальная баба.

– Я это заметила, – сказала она. – Где здесь выход на сце-

ну?

– Идемте...

Строков вывел ее на лестницу, они пробрались через металлическую дверь, и через минуту Лионелла вышла на сцену:

– Как же я люблю, когда все вот так: безлюдно, темно и тихо.

Строков продолжил:

– А в зале бархатная полутьма, и – ни звука... Так бы разбежаться и прыгнуть туда, как в бездонную пропасть.

– Монолог из какой-то пьесы? – спросила она.

– Только что родилось. Рядом с вами я становлюсь роман-тиком.

Лионелла зашла в кулису и вдруг отпрянула:

– Что это?!

– Гроб. Через три часа начнется спектакль, и в него ляжет Панночка. – Наблюдая за ней, Строков воскликнул: – Но вы-то зачем?!

Она шагнула в гроб и улеглась, как полагается, скрестив руки на груди:

– Всегда хотела понять, каково это – лежать в гробу.

– Вы сумасшедшая...

– Я – актриса. Гроб будет летать по воздуху?

– Будет, и на приличной высоте. Потрогайте, там по бокам есть крепления, к которым прикручена страховка и тросы. Нашупали?

– Здесь есть какой-то крепеж.

У Строкова зазвонил телефон, он ответил и, прежде чем уйти, предупредил Лионеллу:

– Простите, я на минуту...

В темноте, лежа в гробу и слушая удалявшийся говор Строкова, Лионелла немного испугалась, но из-за кулис слышался стук каблуков и прозвучал голос Кропоткиной:

– Сегодня гримируюсь в большой гримерке.

– С чего это вдруг? – спросил второй женский голос.

– В моей зеркало треснуло.

– Это не к добру.

– Тьфу-тьфу! Типун тебе на язык.

– А что опять с Костюковой? Тебе еще не надоело выходить на подмены?

– Если бы о подмене попросил кто-то другой, я бы отказала. Но этому человеку я не могу отказать. – Продолжая разговор, Кропоткина проронила: – Не понимаю, для чего ее притащили.

– Провинциальному театру нужны громкие имена.

– Боже мой! Лионелла Баландовская! И это громкое имя? Она же двадцать лет не снималась, жила, как попугай, в золотой клетке.

– Окажись ты в такой клетке, была бы на седьмом небе от счастья. Не знаешь, кто у нее муж?

– Какой-то миллиардер.

– А ведь посмотреть – ни рожи, ни кожи.

Лионелла представила себе, как эффектно могла бы «востать» из гроба и перепугать этих дурех, но ей хотелось до-слушать.

Тем временем разговор актрис продолжался:

– И кстати, зовут ее не Лионелла, а Маша, – сказала Кропоткина. – Имя и фамилию придумали в молодости, когда она снималась в первых трех фильмах.

– Имея мужа-миллиардера, ехать в нашу дыру? По-моему, это глупо.

– Договор заключен на одну постановку. Три месяца репетиций, потом один спектакль в две недели.

– Зачем это ей нужно? При ее-то деньгах!

– Не волнуйся: два раза в месяц ее привезут на «Бентли».

– Господи... Хоть бы день пожить как она.

– Но ты еще не знаешь самого главного...

– Ну, говори.

– На самом деле Баландовская приехала сюда не за этим.

– Я не понимаю...

Лионелла задержала дыхание, чтобы никак не обнаружить себя и выслушать последние новости. Желание встать из гроба осталось нереализованным.

– Она приехала, чтобы втайне от мужа встречаться с любовником! Об этом говорит весь театр.

– Не может быть! Любовник наш? Городской?

– Москвич, художник, приглашен оформлять спектакль.

– Тот самый красавчик?

– Кирилл Ольшанский, внук кинорежиссера.

– Ну и как это называется?! Кому-то все: и миллиардер, и любовник. А кому-то муж-алкоголик и комната на подселение три на четыре.

– Тебе нужен любовник? Ну так заведи его, дело недолгое.

– Разве дело в любовнике? Я в общем говорю. О несправедливости жизни...

Актрисы пересекли темную сцену и вышли в коридор, ведущий к гримеркам.

– Вы здесь? – Из-за кулисы появился Строков и подал ей руку: – Давайте я помогу.

Лионелла встала из гроба и, сделав несколько шагов, попросила:

– Уйдемте отсюда.

Он взял ее под руку, повел за собой. Вскоре они оказались за сценой в запаснике, где хранились жесткие декорации для репертуарных спектаклей. Здесь было темно, в начале и в конце прохода светились тусклые пожарные фонари типа «плафон».

Они остановились у надгробия, на котором стояла буторфская статуя Командора.

– Вы только посмотрите... – Лионелла зябко поежилась. – У вас и здесь кладбищенская тематика.

– Это из «Каменного гостя», – сказал Строков. – У нас два года идет этот спектакль.

– Да-да... Я видела репертуарный план.

– Если хотите знать, призраков в театре и без Командора хватает.

– Это шутка?

– Вовсе нет.

– Вы серьезно? – заинтересовалась Лионелла.

– Еще как!

– Ну так расскажите.

Строков многозначительно усмехнулся:

– Идемте на свет. Здесь вам будет страшно.

– Да бросьте же вы страх нагонять... Итак? Говорите.

– Знаете, что в нашем театре четвертый год идет «Вий»?

– Ну да. Иначе откуда бы взялся гроб.

– Так вот, четыре года назад после премьеры «Вия» стал являться призрак.

– Чей? – с улыбкой спросила Лионелла.

– Да кто ж его знает. Он не представляется.

– При вас такое случилось?

– Актеры после ночных прогонов его видели.

– А вы? – спросила Лионелла.

– Видел, – помедлив, ответил Строков. – Но только один раз.

– Где?

– Здесь.

– Шутите? – Лионелла недоверчиво оглянулась.

– Нет. Не шучу. – Строков отступил назад и вытянул руку. – Я стоял там и курил.

– А разве здесь можно?

– Нельзя, но мы иногда курим. Так вот... Стою, курю и вдруг краем глаза улавливаю: в темноте, за бутафорской колонной, движется что-то...

– Что-то или кто-то?

– Ну вроде тень или человек какой-то движется. Поворачиваю голову – и правда вижу белое пятно.

– Человек?

– Не то чтобы во плоти, а в дымке какой-то, будто плывет.

– Что было потом?

– Проплыл в тот угол и растворился за декорациями.

Лионелла посмотрела туда, куда показывал Строков.

– Вы меня напугали, – сказала она и быстрым шагом направилась к лестнице.

– А я вам говорил!

У лестницы Лионелла остановилась у высоченной металлической двери.

– Что здесь?

– Не догадываетесь?

– Я не театральный человек.

– За этой дверью рисуют декорации: задники, интермедийки и прочее. Хотя теперь все реже и реже. На смену старой доброй малярной кисти пришла электроника. По мне, так все эти картинки – чистая мертвечина. – Строков уперся руками в дверь и сдвинул ее ровно на столько, чтобы можно было пройти:

– Прошу вас.

Лионелла вошла в огромное помещение с высокими потолками и прищурилась: яркий свет буквально бил по глазам. Различив мужскую фигуру на верхней галерее, она скорее почувствовала, чем увидела, что это Кирилл.

– Видите человека наверху? – спросил Строков. – Это художник. Чтобы видеть декорацию в целом, он влезает на галерею и смотрит, что нужно исправить.

– Мы знакомы, – сказала Лионелла и окликнула: – Кирилл!

Он обернулся и, увидев ее, быстро спустился вниз:

– Рад тебя видеть.

– Я тоже.

Кирилл протянул руку Строкову.

Тот ответил рукопожатием и, улыбнувшись, заметил:

– Мне говорили, что вы знакомы.

– Тысячу лет, – ответил Кирилл и, обратившись к Лионелле, спросил:

– Давно приехала?

– Только вчера. Ты знал, что я занята в спектакле?

– Магит рассказал.

– Что же не позвонил?

– Зачем?

– Ну да... – Она опустила голову. – Мы с тобой, кстати, живем в одной гостинице.

– И даже на одном этаже. Сегодня встретил там твоего

мужа.

– Он приезжал ненадолго.

Понаблюдав за ними, Строков прервал разговор:

– Идемте дальше?

– Да-да! – заторопилась Лионелла и обронила Кириллу: –

Надеюсь, еще увидимся.

Они со Строковым вышли за дверь и направились в другое крыло здания.

– Здесь у нас располагаются производственные цеха: бу-тафорский, костюмерный и постижерный. – Он посмотрел на часы: – Но они уже не работают. А могли бы зайти и посмотреть. Можно мне задать нескромный вопрос?

– Нет, нельзя.

– И все же... – Не дожидаясь повторного отказа, Строков спросил: – В декораторской мне показалось...

– Ну-ну, говорите.

– Вы хотели, чтобы я ушел?

– Если показалось, что ж не ушли?

– Ваша прямота обезоруживает. – Он покачал головой. – Редкое качество для женщины. Вы словно с шашкой наголо и на лихом скакуне. Это – сильно.

– Во сколько начинается спектакль? – спросила Лионелла.

– Ровно в семь.

– Тогда попрощаемся. Мне нужно успеть переодеться.

– Неужели придете? – удивился Строков.

– Непременно приду, – ответила она и поинтересова-

лась: – Вы заняты в постановке?

– Играю сотника, отца Панночки. Вам взять контрамарку?

– Спасибо, нет.

– Надеюсь, вы не станете покупать билет?

– Как-нибудь разберусь.

Глава 4

Смертельный полет

В гостиницу Лионелла поехала на такси. В номере повторила утренний ритуал: душ, укладку феном и макияж. Но заключительный этап марафона отнял куда больше времени.

Распотрошив чемоданы, она разложила свои наряды на большой двуспальной кровати. Методом исключения поочередно убрала часть из них в платяной шкаф. В результате отбора на кровати осталось три вечерних туалета: темно-зеленое платье из бархата с воротником и муаровой розой, белый гипюровый костюм с набивными лимонами и черное мини-платье.

Лионелла отказалась от костюма с лимонами и убрала его в шкаф. Туда же отправила бархатное платье с цветком.

Глядя на черное мини-платье, сказала:

– Надену-ка я его.

Немного подумав, Лионелла надела черные колготки и такого же цвета ботинки на толстой и ребристой подошве. Покрутилась у зеркала, взглянула на часы и вдруг поняла, что до начала спектакля осталось всего двадцать минут.

Выскочив за дверь, на бегу она достала телефон и позвонила в такси.

В фойе, возле гардероба Лионеллу встретила Петрушанская:

— Ну что же вы, дорогая, опаздываете? Виктор Харитонович попросил встретить вас и провести в директорскую ложу.

— Я купила билет в партер, — заметила Лионелла.

— Зачем было тратить деньги? Впрочем... — Петрушанская махнула рукой. — Денег у вас хватает, не обеднеете.

Ее слова показались Лионелле забавными или, по крайней мере, беззлобными. Во всяком случае, в них не было ни подтекста, ни зависти.

— Идемте в ложу, — согласилась она и оглядела Петрушанскую.

Наряд примадонны состоял из облегающего темно-синего платья, золотого кольца и голубых туфель-лодочек. У Зинаиды Ларионовны был отменный вкус и завидное чувство меры.

Директорская ложа располагалась в бельэтаже, над бенуарными ложами. Петрушанская отомкнула дверь и предоставила Лионелле выбрать место. Сама села рядом.

В зале постепенно угас свет, дирижер взмахнул палочкой, и раздались звуки оркестра.

Петрушанская облегченно вздохнула:

– Слава богу, успели.

На протяжении первого акта действие спектакля продвигалось рывками и очень вяло. Но когда оркестр заиграл и на сцене затанцевали гопак, сделалось веселее. Публика ожила.

В ложу дважды заглядывал Магит с одним и тем же вопросом:

– Ну как?

Петрушанская удовлетворенно кивала:

– Темп держат. Молодцы. Не затягивают.

Первый акт закончился смертью Панночки. В антракте Лионелла и Зинаида Ларионовна спустились в буфет. На их столик, в обход очереди, принесли два бокала шампанского и эклеры.

– С открытием сезона! – примадонна подняла бокал: – И за знакомство!

Они выпили и мило поболтали. В зрительный зал Лионелла вернулась в приподнятом настроении. Все вокруг теперь казалось приятным и дружественным. Приведи кто-нибудь в директорскую ложу Кропоткину – и та представилась бы ей милейшей особой.

К концу второго акта действие дошло до самого интересного: философ Хома отчитывал покойницу в церкви, но та вдруг очнулась и села в гробу. Оркестр заиграл тревожную музыку, и публика забеспокоилась.

– Хома! – взвизгнула Панночка. – Хома!

Гроб медленно воспарил, Панночка продолжала кричать:

– Хома!

Философ очертил вокруг себя магический круг и стал молиться еще усерднее:

– Возлюблю тебя, Господь, крепость моя! Господь, твердыня моя, и прибежище мое, Избавитель мой! Свят-круг, спаси! Свят-круг, защити! Сгинь! Сгинь, нечистая!

Гроб с сидящей в нем Панночкой стал раскачиваться. Амплитуда движения увеличивалась до тех пор, пока гроб не задел задник.

Лионелла покосилась на Петрушанскую:

– Что происходит?

Панночка закричала:

– Хома! – Но вдруг ее крик превратился в испуганный вопль: – Помоги!

Хома вскочил на ноги, выбежал из магического круга и стал метаться по сцене. Оркестр зазвучал разрозненно и замолчал.

Из зала раздался женский крик:

– Помогите ей! Кто-нибудь! Она сейчас упадет!

Лионелла вскочила на ноги:

– Там что-то случилось!

– Тихо... Тихо... – Петрушанская встревоженно смотрела на сцену. – У нее есть страховка. У нас все предусмотрено.

Но в этот момент гроб с Панночкой качнулся в сторону зала.

– А-а-ах! – Публика исторгла испуганный вздох.

С пронзительным вибрирующим звуком оторвался металлический трос, и гроб сильно накренился. Кропоткина схватилась за стенки, ее цветочный венок со свистом улетел в зрительный зал. Качнувшись обратно, гроб снова влетел в задник и потом на хорошей скорости вновь устремился в зал. Раздался сильный гудящий звук, как будто где-то уронили рояль. Гроб сбросил тросы, взмыл вверх и полетел в зрительный зал. Теперь кричали все: летевшая в гробу Кропоткина, зрители, оркестранты и актеры на сцене.

– Боже мой! Помогите! – воскликнула Лионелла.

На ее глазах гроб перевернулся и шмякнулся в проходе между рядами, накрыв собою Кропоткину. Зрители на местах отшатнулись в сторону, словно поваленные деревья от эпицентра взрыва. Потом все, кто мог, вскочили и ринулись к гробу.

Вспыхнул свет, и чей-то взволнованный голос крикнул:
– Разбилась насмерть!

Петрушанская рванулась к двери и понеслась по коридору в сторону сцены, Лионелла бросилась за ней.

Когда они прибежали за кулисы, там не было никого, кроме помрежа, растерянной толстой женщины, которая сидела у своего пульты.

– «Скорую» вызвали?! – крикнула Петрушанская.

Помреж растерянно пожала плечами:

– Не знаю...

– Я вызову! А вы объявите в микрофон, чтобы зрите-

ли немедленно покинули зал! – Она схватилась за телефон, дрожащими руками набрала нужный номер и прокричала в трубку: – Срочно! Пришлите бригаду медиков в драматический театр! – Потом, помолчав, спросила: – Уже едут? Ждем!

Помреж включила микрофон на максимальную мощность, и в зале прозвучал ее расстроенный голос:

– Администрация театра просит всех зрителей немедленно покинуть зрительный зал. Повторяю...

Лионелла вышла на сцену. К тому моменту зрители уже потянулись к выходам. Их тихий, организованный исход напоминал эвакуацию.

Вскоре в зрительном зале остались только актеры, технический персонал театра и Виктор Харитонович Магит. Мужчины оттащили развалившийся гроб, и посреди прохода осталась лежать только Кропоткина. Ее белый балахон был залит кровью.

Сочтя это зрелище страшным, Лионелла ушла в «карман»² и села на ящик у некрашеной кирпичной стены. Неподалеку у грузового подъемника курили двое рабочих сцены.

По коридору пробежал мужчина в форме МЧС. Один из рабочих швырнул свой окурок под ноги, затоптал его носком ботинка скинул в широкую щель подъемника и громко произнес:

– Пожарник!

² Служебные помещения за кулисами с обеих сторон сцены.

Но второй рабочий продолжал спокойно курить.

– Рудик! Пожарник здесь! Туши сигарету!

Рудик, невысокий человек лет сорока пяти, засуетился, сел на корточки и стал тушить сигарету.

Перехватив удивленный взгляд Лионеллы, первый рабочий проронил:

– Глухой как тетерев.

Вскоре по взволнованным голосам, долетевшим из зала, сделалось ясно, что приехали парамедики. Спустя короткое время за кулисами появились люди в полицейской форме. Они разбрелись по сцене, и кто-то влез на колосники³.

– Внимание! – На авансцену вышел крепкий немолодой человек с папкой. – Присутствующих прошу не расходиться. Опрос свидетелей будет осуществляться в гримерной. Первым идет механик сцены, потом – директор.

– Директора здесь нет! – крикнули из зала.

– А кто есть?

– Я!

– Представьтесь!

– Художественный руководитель театра Виктор Харитонович Магит. С кем имею честь?

– Следователь Митрошников Геннадий Иванович. Прошу принести в гримерную инструкцию по технике безопасности и журнал проведения инструктажа. Механик сцены! Где вы?

Мужчина в спецовке вышел из-за кулисы и виновато по-

³ Решетчатый настил над сценой для смены и подъема декораций.

нурился:

– Я здесь...

– Идемте со мной!

Они ушли в гримерку, и вскоре на сцене появились Перушанская и Магит.

– Спокойнее, Виктор Харитонович, – сказала примадонна. – В конце концов, мы с вами ни в чем не виноваты.

– Директору позвонили? – Магит рассеянно огляделся: – Что делать?.. Что делать?..

Лионелла поднялась со своего места в «кармане» и подошла к Петрушанской:

– Ее уже увезли?

– Кропоткину? – примадонна понизила голос: – Только что. В зале работают криминалисты.

– Здесь – тоже. Полицейские влезли на колосники.

– Вероятно, проверяют механизмы и крепления тросов.

Они одновременно посмотрели вверх, где за падурами⁴ болтались концы оборванных тросов с остатками креплений.

– Помреж! Ирина Юрьевна! – Крикнул Магит. – Где журнал по технике безопасности?

– Вот он! – Женщина протянула ему журнал, но Магит его не взял.

– Инструктаж перед спектаклем проводили?

– С кем? – заторможенно спросила Ирина Юрьевна.

– С актрисой Кропоткиной.

⁴ Полосы ткани наверху сцены.

Помреж перелистала журнал и наконец сообщила:

– Исполнительница первого состава Костюкова прошла инструктаж. Вот ее подпись.

– Мне нет дела до Костюковой! – взорвался Магит. – Костюкова жива и здоровствует! Я спрашиваю про Кропоткину!

– С Кропоткиной инструктаж не проводился.

– Почему?

– Не было приказа.

– Какого еще приказа?

– На Кропоткину. Ее вызвали на замену без приказа. Инструктаж провести не успели.

– Кто за это ответит?! – спросил Магит.

– Вы, – сказала помреж.

– Что?!

Помреж раскрыла журнал на первой странице и прочитала:

– В соответствии с приказом директора и по инструкции режиссер-постановщик спектакля несет полную ответственность за своевременный инструктаж артистов по безопасному выполнению поставленных им сцен или отдельных номеров.

– Могли бы напомнить... – Виктор Харитонович сник на глазах. – И что мне теперь делать?

Ирина Юрьевна с опаской огляделась и предложила вполголоса:

– Давайте впишем задним числом...

– Не смей! Подделка документов – уголовное преступление.

– Как знаете. В конце концов, вам отвечать.

– Идемте. – Петрушанская взяла Лионеллу под руку и увела подальше, в проход к запаснику декораций. – Все это очень тягостно... Не так ли?

– Мы были здесь со Строковым, – сказала Лионелла.

– С Платоном Васильевичем? – удивилась Петрушанская. – Когда?

– Сегодня, перед спектаклем. Он рассказал про призрак. Вы в это верите?

– Конечно же нет. Но его присутствие необходимо театру для поддержания мистического шлейфа. Так же, как ваше присутствие – для зрительского интереса. Простите за откровенность.

– Странно... – проронила Лионелла.

– Вас объединяет то, что вы оба пришельцы. Призрак – из мира мертвых. Вы – из мира богатых и знаменитых.

– Слышали?! – испуганно вскрикнула Лионелла и уставилась в темный угол за декорациями.

– Что? – Петрушанская оглянулась.

– Там кто-то есть...

– Вы слишком впечатлительны. Такое здесь часто случается: сползет какой-нибудь планшет или затрещит старая краска. Не стоит так реагировать. Поверьте мне на слово – там никого нет.

Они прошли дальше, свернули за угол и оказались у закрытой двери гримуборной, за которой продолжался допрос.

Из-за двери донеслось:

– Вы осматривали крепления тросов к гробу? Проверяли страховку?

– Я проверял.

– Когда?

– Вчера.

Петрушанская прижалась к косяку и прислушалась. Потом одними губами прошептала:

– Это механик сцены...

Голос следователя менторски проронил:

– Вранье.

– Думайте как хотите.

– Вам не поздоровится, если я подумаю как хочу. Погиб человек. Женщина. Кто-то за это должен ответить.

– Я не виноват, – тихо сказал механик.

– А кто виноват?

– Не знаю. Крепления тросов были в порядке. При изготовлении мы заложили в конструкцию пятикратный запас прочности. Даже у самолетов намного меньше.

– Ваш «самолет» упал, и это произошло по вашей вине. Конечно, мы во всем разберемся, но именно вам, механику сцены, вменялось в обязанности следить за надежностью конструкции и осуществлять ее безаварийную эксплуатацию.

– Вчера с крепежом все было в порядке. Я проверял.

– Почему только вчера?

– Открытие сезона. Все делали загодя.

– Сегодня проверяли?

– Зачем?

– Вам объяснить или сами догадаетесь?

– Перед спектаклем гроб только подцепили к тросам и подняли на постамент.

– А до этих пор где он стоял?

– За кулисами, на полдороге в «карман».

Тяжело топая каблуками, к гримерке подошла крупная женщина, затянутая в строгий костюм.

Заметив ее, Петрушанская отстранилась от двери:

– Здравствуйте, Валентина Ивановна.

– Что там?

– Допрашивают механика сцены. – Примадонна представила ей Лионеллу: – Актриса Баландовская.

– Вижу. – Валентина Ивановна приоткрыла дверь и заглянула в гримерку: – Можно?

– Ну, кто там еще?.. – недовольно спросил следователь.

– Я директор театра.

– Фамилия?

– Ефтеева.

– Заходите.

Директор вошла в гримерку, и вслед за ней туда заглянула Петрушанская:

- Разрешите спросить...
- Спрашивайте.
- Что делать нам, артистам?
- В каком смысле?
- Идти домой или оставаться в театре?
- Вы были на сцене? – спросил следователь.
- Смотрели спектакль из зала.
- Можете идти. С вами встретимся завтра. И пожалуйста, закройте дверь с другой стороны.

* * *

В пустынном фойе первого этажа у гардероба прохаживался одинокий мужчина.

Заметив его, Петрушанская шепнула:

- Художник-оформитель, тоже москвич.
- Мы знакомы, – сказала Лионелла. – Это – Кирилл Ольшанский.
- Неужели? – Примадонна перевела на нее взгляд и округлила глаза. – Искренне завидую. Будь я моложе... – Она не закончила фразу и, подойдя к Кириллу, представилась:
 - Петрушанская...
 - Ну кто же не знает вас, Зинаида Ларионовна. – Ольшанский поцеловал ей руку: – Я здесь всего несколько дней, но слышал о вас много хорошего.
 - Какой любезник!

– Этого у него не отнять, – прокомментировала Лионелла и спросила у Кирилла: – Слышал, что случилось?

– Мне рассказали. Я поздно вышел из декораторской.

– Ну что же, я с вами прощаюсь, – Петрушанская помахала рукой. – Меня ждет такси.

Она ушла, Лионелла и Кирилл остались вдвоем.

– Едем в гостиницу? – предложила Лионелла.

– Идем пешком, здесь не так далеко.

Они вышли из театра.

Было начало осени, стояла теплая погода, и деревья только-только начинали желтеть. Прогулка была бы приятной, если бы не пришлось говорить о неприятных вещах.

Кирилл спросил:

– Ты была в зале?

– Сидела в директорской ложе вместе с Петрушанской.

– Как все случилось?

– Гроб подняли вверх, и он стал раскачиваться. Потом оборвался трос, за ним – все остальные, и гроб с Кропоткиной улетел в зрительный зал.

– Еще кто-нибудь пострадал?

– Погибла только Кропоткина. Ты ее знал?

– Пришлось однажды столкнуться.

– Где? – спросила Лионелла.

– Рядом с театром есть караоке-бар. Иногда захожу туда, чтобы поужинать. Однажды встретил там Мезенцева...

– Местного сердцееда?

– Ты все уже знаешь, – усмехнулся Кирилл.

– И что же Кропоткина?

– Она была с Мезенцевым, он нас познакомил.

– Они были вдвоем?

– За их столом сидело много народу, все – из театра. Кажется, отмечали чей-то день рождения. Но Кропоткина все испортила.

– Как?

– Подралась в очереди к микрофону. Было смешно. – Кирилл улыбнулся и заметил: – Слышал, что она была скандалисткой.

– А разве это что-то меняет?.. – глубокомысленно проронила Лионелла. – Она жила, а теперь ее нет.

– Ты права. Смерть – это всегда грустно.

– Когда я узнала, что ты здесь, подумала, что это судьба, – сказала Лионелла. – Но потом решила, что ты все подстроил.

– Теперь хочешь знать правду? – усмехнулся Кирилл. – Ни то ни другое.

– И все же...

– Когда мне предложили эту работу, я отказался.

– А потом?

– Узнал, что здесь будешь ты, и подписал договор.

– Только из-за меня?

– Не только. Ты знаешь, в финансовом плане я всегда на мели.

– Смешно. – Лионелла невесело улынулась. – Жить через

забор друг от друга и встретиться за триста километров от Москвы.

– Надолго приехала? – спросил Кирилл.

– Примерно на три месяца. Пока будем репетировать, я буду здесь. Потом – только приезжать на спектакли.

– За три месяца здесь ты сохнешь от скуки, Машка.

– Не сохну. В крайнем случае на пару дней уеду в Москву. Да и чем моя жизнь в Барвихе отличается от этой? В Барвихе еще скучней.

– Ну, это вопрос спорный.

– У нас с тобой разные жизни, Кира. Тебе там, может, и весело.

– А когда-то все было общим: и жизнь, и любовь, и веселье...

– Того, что было, уже нет. И заметь: не по моей вине, – сказала Лионелла.

– Я за свои ошибки заплатил.

– А как же иначе? С небес видно все. Ничто не остается без наказания. Таков закон жизни.

– Иногда наказание похоже на казнь.

– Не твой случай, Кира. Ты – гедонист: живешь только для того, чтобы получать удовольствие.

– Много ты знаешь.

За разговорами они дошли до гостиницы и остановились у входа.

– Ты иди, а я прогуляюсь, – сказал Кирилл.

– С чего это вдруг? – спросила Лионелла.

Он взял ее за воротник, притянул к себе и прошептал, касаясь губами ее губ:

– Потому что, если мы поднимемся вместе, я сделаю все, чтобы остаться в твоём номере.

Глава 5

Битое стекло и прочие гадости

На утреннюю читку Лионелла явилась без опозданий. В репетиционной комнате собрались оба состава будущей постановки. Не было только двоих: Кропоткиной и Петрушанской.

Виктор Харитонович произнес короткую речь:

– Вчера во время спектакля случилась трагедия, унесшая жизнь актрисы нашего театра Карины Кропоткиной. Предлагаю почтить ее память вставанием... – Закончив говорить, он опустил голову.

Все встали и, пока была видна лысина Магита, стояли молчком. Но как только он поднял голову, актеры сели.

– Теперь начнем читку. Как говорил классик: «лучшее утешение в горе – это работа». – Виктор Харитонович раскрыл пьесу на закладке: – Соню сегодня будет читать Анжелина Зорькина, няньку – Вера Петровна Магит. – Он взглянул на жену, и та напонила:

– Витюша, Петрушанская немного задержится...

– Знаю.

– Она у следователя.

– Не скоро мы отмоемся от этого позора... Придется терпеть. – Магит перелистнул страницу пьесы туда, потом – об-

ратно: – Начали! Действие третье: Войницкий, Соня, Елена Андреевна. С того места, где остановились вчера. – Он посмотрел на Лионеллу и указал глазами на Строкова: – Знакомьтесь, наш Дядя Ваня, артист Платон Васильевич Строков.

– Мы уже познакомились.

– Тем лучше... Итак, ваша реплика, Платон Васильевич: «Что томитесь?»

Строков прочитал:

– Что томитесь? Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей! В ваших жилах течет русалочья кровь, будьте же русалкой! Дайте себе волю хоть раз в жизни, влюбитесь поскорее в какого-нибудь водяного по самые уши – и бултых с головой в омут, чтобы герр профессор и все мы только руками развели!

– Оставьте меня в покое! Как это жестоко! – прочитала Лионелла, и ее взгляд съехал в конец страницы.

Вспомнился вчерашний разговор с Кириллом, его шепот и ее бегство из гостиницы в арендованный особняк.

Если бы ей задали вопрос: от кого бежала? Она бы ответила: от себя. Все дело в том, что, стоило Кириллу постучаться в ее дверь, она бы ему открыла.

Магит вернул Лионеллу к действительности, сказав:

– Лионелла Павловна! Вы пропустили реплику!

Строков повторил предыдущую фразу:

– Ну, ну, моя радость, простите... Извиняюсь. Мир.

– У ангела не хватило бы терпения, согласитесь, – прочитала Лионелла и посмотрела на открывшуюся дверь.

В нее вошел следователь Митрошников и осмотрелся:

– Мне нужна Бalandовская.

Все оглянулись на Лионеллу.

– Это я. – Она поднялась со стула.

– Идемте со мной, и быстрее.

– Что за тон? Сначала объясните зачем.

– На спектакле вчера присутствовали? – спросил следователь.

– Присутствовала.

– С Кропоткиной были знакомы?

– Коротко.

– Даже если коротко, есть основания вас опросить. Еще вопросы будут?

– Только не к вам. – Лионелла обратилась к Виктору Харитоновичу: – Позвольте выйти?

– Не выйти, а уйти, – вставил Митрошников. – Две большие разницы.

– Идите! Идите! – замахал руками Магит.

Лионелла взяла свою сумочку, положила туда телефон и вышла из комнаты. За ней вышел следователь.

– Нам недалеко.

Они подошли к соседней двери, та открылась, и на пороге появилась заплаканная Петрушанская.

– Пришли в себя? – спросил следователь.

– С трудом! – с вызовом ответила примадонна. – Пришлось принять корвалол.

– Не нужно себя распускать. Так можно дойти до инфаркта.

– Вашими стараниями, – огрызнулась Петрушанская и тронула рукой Лионеллу, словно призывая ее крепиться.

Митрошников уступил ей дорогу и, когда она вышла, сказал Лионелле:

– Заходите и садитесь.

Лионелла села на стул.

– Не туда! Это мое место! – сказал следователь, и ей пришлось пересесть.

На столе уже лежал пустой бланк протокола. Митрошников взял ручку:

– Запишем личные данные.

Пока он писал, Лионелла думала о том, что сможет рассказать о Кропоткиной. По всему выходило, что рассказывать нечего. Но она ошиблась, первый же вопрос следователя поставил ее в тупик.

– Как можете охарактеризовать ваши взаимоотношения с погибшей?

Лионелла удивленно проронила:

– Никак.

– А если подумать?

– И думать нечего. Я едва ее знала.

– Подскажу вам. – Митрошников постучал концом ручки

по столу: – Они были неприязненными.

– Откуда вы это взяли?

– Из показаний ваших коллег. Девять из десяти показали, что у вас и Кропоткиной был конфликт, в котором участвовала Петрушанская.

– Поэтому вы довели Зинаиду Ларионовну до сердечного приступа?

– Вас это не касается. Сейчас говорим о ваших отношениях с погибшей Кропоткиной.

– Повторяю: никаких отношений с ней у меня не было. Она участвовала в читке, так же как я.

– На какой почве у вас с Кропоткиной возник конфликт?

– На читке? – уточнила Лионелла.

– А был еще и другой?

– Не ловите меня на слове.

– Ну так выражайтесь яснее!

– Кропоткина нахамила Петрушанской, и я решила поставить ее на место.

– Зачем?

– Не понимаю вопроса...

– Назовите причину, по которой вы включились в словесную перепалку с незнакомым вам человеком. У вас были основания?

– Были.

– Так-так... Слушаю.

– Ее хамство.

– То есть вы не смогли промолчать? – усмехнулся Митрошников.

– А вы бы промолчали, если бы вас назвали старым, ни к чему не пригодным человеком?

– Кропоткина не вас назвала старой и непригодной. Выто с чего взвились?

– Не переношу хамства.

– Ну хорошо. Как можете охарактеризовать саму Кропоткину?

– Она умерла, и я не хочу говорить о ней плохо.

– О мертвых или хорошо, или правду, – напомнил следователь. – Вам остается второе.

– В нескольких словах: скандальная, неуживчивая, плохо воспитанная.

– Та-а-ак... Это все?

– В театре я всего третий день. Большого сказать не могу.

– Знаете, Лионелла Павловна, если послушать, какие нравы царят в вашем мире, так просто диву даешься!

– О каких нравах вы говорите? Надеюсь, не о сексуальной свободе?

– О-о-о-о! Что – сексуальная свобода? Это ерунда! – Митрошников махнул рукой. – Я про стекло в пуантах, про намыленные лестницы и прочие гадости.

– Не путайте, пожалуйста. Здесь вам не балет.

– Какая разница... – устало сказал следователь. – Сволочей хватает везде.

- Прошу выбирать выражения!
- У Кропоткиной были враги? – спросил он.
- Этого я не знаю. Повторяю: я в театре всего третий день.
- И уже два раза с ней поругались.
- Что?.. – Лионелла насторожилась.
- Два раза повздорили с Кропоткиной.
- Не говорите, пожалуйста, глупостей.
- А теперь и я бы вас попросил! – прикрикнул Митрошников. – В таком тоне будете разговаривать с друзьями-артистами? Позавчера Кропоткину вызывали в кабинет худрука. Не из-за вас ли?
- Не знаю.
- Знаете! – Следователь переложил протокол с места на место, словно вымещая на нем свое раздражение. – Мне известно, что она выразила свое недовольство в связи с вашим приездом. Роль не поделили?
- И что? – Лионелла издевательски улыбнулась. – Не убивать же ее за это?
- Постыдитесь. Никто не подозревает вас и тем более не обвиняет в убийстве Кропоткиной.
- Так что же вам нужно?
- Хочу восстановить картину взаимоотношений Кропоткиной с коллегами в целом.
- И здесь я вам не помощник.
- Возможно, знаете, кто разбил ее зеркало?
- Не понимаю вопроса.

– В гримерке, на туалетном столике Кропоткиной, кто-то разбил зеркало.

– Я догадываюсь, кто это сделал... – сказала Лионелла и усмехнулась.

– Работник театра? Артист? – Митрошников взял ручку, чтобы записать ее показания.

– Призрак Вия. К театру имеет непосредственное отношение – здесь идет одноименный спектакль.

Митрошников поднял глаза и поинтересовался:

– Издеваетесь?

– А по-моему, издеваетесь вы. Зачем кому-то разбивать ее зеркало? Оно просто треснуло.

– Откуда вам это известно?

– Сказала сама Кропоткина.

– Да ну?... – Следователь постучал ручкой по столу. – Лично вам?

– Кропоткина говорила с подругой, а я случайно подслушала.

– При каких обстоятельствах?

– Они шли по сцене... а я находилась в кулисах. – Лионелла решила не сообщать следователю, что в это время лежала в гробу.

– Когда это было?

– Вчера, за три часа до спектакля.

– Имя подруги? С кем она говорила?

– Не знаю. Там было темно.

– Значит, не разглядели? А Кропоткину как узнали?

– По голосу. В их разговоре прозвучала странная фраза... – начала Лионелла, но продолжать передумала. – Впрочем, неважно!

– Начали – говорите.

– Кропоткина сказала, что вышла на подмену по просьбе некоего человека, которому не смогла отказать.

– Имя назвала?

– Нет.

– Впрочем, это неважно, – сказал Митрошников. – И так ясно: ее вызвал Магит.

– Он узнал об этом вчера на читке.

– Тогда ее вызвала заведующей. Как бишь ее?... – Он заглянул в список: – Терехина!

– Мне так не показалось.

Митрошников отвалился на спинку стула и, улыбаясь, спросил:

– Хотите отобрать у меня хлеб? Гипотезы выдвигаете? Строите версии?

– Ни о чем таком и не думала. – Лионелла достала зеркальце и, посмотревшись в него, поправила волосы. – На ваши черствые корки не претендую.

– И здесь вы, пожалуй, правы, – усмехнулся следователь. – Наш черствый хлеб не для ваших зубов.

– А вы не думали, что убить хотели не Кропоткину, а ту, другую актрису?

– Пока для этого нет оснований.

– Когда они появятся, концов уже не найдете.

– Ну, вот что, уважаемая! – Митрошников встал: – Можете идти. Больше не задерживаю.

– А как же протокол? – поинтересовалась Лионелла. – Я не должна его подписать?

– Как-нибудь в другой раз!

Глава 6

О таком вслух не говорят

У репетиционной комнаты Лионелле встретилась Петрушанская.

– А вы, смотрю, молодцом, – проговорила она.

– Я в полном порядке, – ответила Лионелла.

– Он спрашивал про конфликт на вчерашней читке?

– Следователь задал мне такой вопрос.

– Хотелось бы знать, что себе вообразил этот солдафон?

В чем нас подозревает?

– Наверное, в том, что, повздорив с Кропоткиной, мы сколотили банду и организовали ее убийство.

– Вы шутите, дорогая, но уверяю, что в вашей шутке есть доля истины. Идете на читку?

– Да, конечно.

– А я, пожалуй, домой. Что-то голова разболелась. Завтра увидимся.

Стараясь не шуметь, Лионелла проскользнула в репетиционную комнату и села на прежнее место.

– Все в порядке? – спросил у нее Магит.

– Да, вполне. – Лионелла полистала свою роль: – На каком месте читаем?

– Астров! Дайте свою реплику.

– И понимать тут нечего, просто неинтересно, – прочитал Мезенцев.

– Ага, вижу. – Лионелла провела пальцем по строчке: «Откровенно говоря, мысли мои не тем заняты. Простите. Мне нужно сделать вам маленький допрос, и я смущена, не знаю, как начать».

– Допрос? – прочитал Мезенцев.

– Да, допрос, но... довольно невинный. Сядем! – продолжила читать Лионелла.

Переведя взгляд с нее на Мезенцева, Магит вдруг пошутил:

– Ну вот, Лионелла Павловна. Вас уже допросили, теперь вы допросите Астрова.

Читку пьесы «Дядя Ваня» закончили в семь часов вечера. Перед тем как отпустить актеров, Виктор Харитонович поделился с ними своими мыслями:

– Вчера и сегодня мы сделали первый шаг в понимании пьесы. Послушали ее текст в голосе, слышали, как говорят чеховские герои. Вам может показаться, что текст очень простой, но это только на первый взгляд. С завтрашнего дня начнется серьезная работа: будем разбираться со смыслами. Интерпретации ролей будут потом. Наша задача – услышать текст и дать его услышать другим. – Магит собрал разрозненные листки пьесы и положил их в портфель. – На этом пока все. Завтра собираемся ровно в одиннадцать, прошу не опаздывать.

Лионелла встала и протянула руку, чтобы забрать со спинки стула свой плащ, но вдруг услышала:

– Позвольте... – Мезенцев подхватил ее плащ и предупредительно расправил его: – Я помогу.

– Благодарю вас. – Лионелла вдела руки в рукава, и, пока застегивала пуговицы, Мезенцев предложил:

– Хотите поужинать?

– Где? – без капризов поинтересовалась она.

– Здесь недалеко есть прелестное заведение.

– Приглашаете?

– Да.

– Тогда идемте.

Место, куда они пришли, оказалось тем самым караоке-баром, о котором рассказывал ей Кирилл. Они заняли столик, сделали заказ и попросили принести аперитив.

– Часто здесь бываете? – спросила Лионелла.

– Частенько. Здесь хорошо кормят.

– А как насчет караоке?

– Что?

– Как насчет того, чтобы спеть?

– Сначала выпьем. Петь будем потом. – Мезенцев осушил бокал и подозвал к себе официантку: – Повторите! – Потом обратился к Лионелле: – Вам тоже?

– Мне – хватит. Я много не пью.

– Я тоже. – Он усмехнулся. – А вы, смотрю, загрустили.

– Сами понимаете, веселого мало.

– Жалеете, что приехали?

Лионелла повторила кусок из своей роли:

– «Откровенно говоря, мысли мои не тем заняты. Простите. Мне нужно сделать вам маленький допрос, и я смущена, не знаю, как начать».

– У вас хорошая память. Быстро учите текст?

– Практически моментально. Вы хорошо знали Кропоткину? – спросила Лионелла.

– Как резко сменили тему.

– А чего тянуть?

– Да, вы – женщина-радикал.

– Сколько Кропоткина проработала в театре?

– Лет семь или больше. До этого, кажется, работала в Волгограде.

– Она была замужем?

– К чему этот допрос?

– Вульгарное любопытство.

– Лет пять назад развелась.

– У нее был любовник?

– В театре? О таком вслух не говорят.

– Об этом, как правило, сплетничают, – заметила Лионелла и повторила вопрос: – Был у нее любовник?

– И не один. Для актрисы – рядовая история. – Спohватившись, Мезенцев взглянул на Лионеллу: – Ах, простите! Я не имел в виду вас.

– Можете назвать имена?

– Да что вы так вцепились в эту Кропоткину? Она умерла. Ее уже нет, а мы с вами живы, здоровы и можем получать от жизни удовольствие.

– Хороший текст. Из какой это пьесы?

– Не помню. – Мезенцев привстал и помахал кому-то рукой: – Идите к нам! За нашим столиком есть одно место!

Лионелла обернулась и увидела Кирилла. Он тоже заметил ее, сдержанно улыбнулся и двинулся к барной стойке.

– Не хочет... – сказал Мезенцев. – Впрочем, так даже лучше. По-крайней мере, мы сможем побыть наедине.

– Тогда зачем вы его звали? – поинтересовалась она.

– Ради вас.

– Не поняла.

– В театре говорят, что вы с ним любовники.

– А вы побольше слушайте.

– Театральный мир слишком мал, чтобы не доверять слухам и сплетням.

– Это теория? – улыбнулась Лионелла.

– Аксиома. И не я ее вывел... Ну, вот! – Мезенцев повел взглядом поверх ее головы: – Ваш Кирилл испарился. Мне кажется, он ревнует.

– Вы обещали спеть...

– Что?

Лионелла перевела взгляд на экран караоке:

– Принимаете заявки?

Мезенцев встрепенулся:

– Давайте.

– Спойте «Владимирский централ».

– Вот уж не думал, что увлекаетесь тюремной лирикой.

Такая изысканная, рафинированная леди...

– Мне нравится удивлять.

– Ну, что же... – Мезенцев встал и направился к площадке для пения.

Ему подали микрофон, он выбрал песню и, дождавшись музыкального вступления, начал петь:

– Весна опять пришла, и лучики тепла доверчиво глядят в мое окно...

Пел Мезенцев хорошо, в его баритоне чувствовалась основательная певческая подготовка. Да и внешне он был хорош: высокий, подтянутый, с зачесанными назад темными волосами, и было в нем сходство с известным американским актером, имя которого Лионелла не помнила. Все качества в совокупности притягивали к Мезенцеву женские взгляды.

Вернувшись за стол, он посетовал:

– Мне кажется, вы не слушали. Я пел для вас, а вы были где-то далеко.

– Я была с вами, – улыбнулась она. – А вы не так давно здесь были с Кропоткиной.

– Вздор! Это был коллективный выход по случаю юбилея Веры Петровны, жены нашего худрука.

– И в тот вечер здесь была драка.

– Лично мне скрывать нечего. Дрался не я.

– Из-за чего Кропоткина устроила драку?

– Не знаю. Она вообще с полуоборота заводилась. Был случай, когда Кропоткина ударила своего партнера на сцене во время спектакля.

– В тот вечер из-за чего была драка?

– По-моему, из-за очередности к микрофону. К слову сказать, пела Кропоткина плохо.

– Меня интересует, с кем она подралась?

– А вы думаете, я запомнил? Когда разнимали, дрались уже несколько человек. Как говорится, праздник удался настолько, что даже юбилярше досталось.

– Ей-то за что?

– В таких случаях говорят: было бы за что, ее бы убили.

– Мрачная шутка... – обронила Лионелла.

– Согласен. Но это коррелируется с тем, что случилось позже.

Лионелла раскрыла сумочку и достала длинный мундштук. Изящным жестом вставила в него сигаретку и закурила.

– Здесь не курят... – оповестил ее Мезенцев.

– Пока заметят, успею.

Однако покурить ей не удалось. Официантка попросила затушить сигарету или отправиться в курительную комнату. Из двух предложенных вариантов Лионелла выбрала второй.

Курительная комната ресторана ничем не отличалась от тысяч других, Лионелла вошла туда первой и устроилась в

уголке.

Вскоре в комнату вошли две крепко выпившие дамы и сели напротив. Сигаретный дым от трех сигарет струями улетал в мощную вытяжку.

– На прошлой неделе захожу в женский туалет, а там две бабы делят мужика, – сказала одна курильщица, продолжая начатый разговор.

– Он тоже был в туалете? – удивилась подруга.

– Разумеется, нет.

– И чем все закончилось?

– Они подрались в зале из-за микрофона. Одна вцепилась другой в волосы.

– Прошу прощения, – сказала Лионелла и подсела поближе. – Как выглядела та, вторая женщина, в которую вцепилась первая?

– Девушка лет двадцати – двадцати пяти, похожая на балерину.

Лионелла вскинула брови:

– Это как же?

– Худая, плоская, с длинной шеей. Не женщина, а цыпленок.

– Волосы длинные?

– Я же говорю: волосы, как у балерины, в пучок собраны.

– Но сначала они поругались в туалете?

– Так орали, что я подумала, подерутся. Так и вышло.

Вернувшись за столик, Лионелла засобиравлась:

– Уже поздно, и мне далеко ехать.

– А вы разве не в гостинице проживаете? – любопытствовал Мезенцев.

– Я поселилась за городом.

– Одна?

– Мне так удобнее.

– Позвольте вас проводить?

– Я на такси.

– Где же ваш «Бентли»? – ехидно справился Мезенцев.

Она ответила ему с такой же издевкой:

– Он перебрался в Москву.

– А знаете, – Мезенцев поднялся из-за стола и сделал знак официантке, – с вами бывает весело. Я вызову такси.

Конечно, Мезенцев навязался ей в провожатые. По приезде в коттеджный поселок он долго уговаривал Лионеллу впустить его в дом и угостить чашечкой чая. Но Лионелла впихнула его в такси и отправила обратно в город.

Глава 7

Бездеятельная, праздная эгоистка

Проснуться утром одной в чужом загородном доме – последнее из того, чего хотелось бы Лионелле.

Отопление работало плохо, всю ночь она куталась в пуховое одеяло. И как бы ни не хотелось вылезать из постели, ей пришлось идти в душ.

Как только Лионелла вошла в ванную, зазвонил телефон, и она вернулась в спальню.

- Доброе утро, – это был ее муж.
- Холодное утро добрым не бывает, – ответила Лионелла.
- В гостинице не топят?
- Я не в гостинице.
- А где ты? – обескураженно спросил Лев Ефимович.
- Переехала в особняк.
- Почему?
- Здесь удобнее.
- И холоднее... – Помолчав, Лев Ефимович обронил: – Тебе нужен автомобиль и охранник.
- Нет.
- Я настаиваю. Тебе нельзя жить одной в чужом доме.
- Прошу тебя, не настаивай.
- Что случилось?

– А почему должно что-то случиться? – фальшивым голосом спросила она.

– Я слишком хорошо тебя знаю. Все дело в том инциденте?

Притихнув, Лионелла осведомилась:

– Ты уже знаешь?..

– Я знаю все. Осведомленность – моя сильнейшая сторона. Артистка вашего театра упала с высоты и разбилась насмерть. В изобретательности вашему режиссеру не откажешь. Смотри, как бы и тебя не сунули в гроб.

– Это иносказание?

– Прости, сказал глупость. Тревожусь за тебя, в этом все дело. Следствие выяснило, в чем было дело? – спросил Лев Ефимович.

– От гроба оторвались тросы.

– Все разом? – Он помолчал. – Так не бывает. Сдается мне, что это было убийство.

– Сдается мне, что ты знаешь больше, чем я.

– Осведомленность – мой жизненный принцип.

– Ну, говори... – произнесла Лионелла.

– Есть сведения, что часть крепежа была скручена.

– Это точно?

– Абсолютно.

– И что теперь делать?

– Следствие найдет того, кто это сделал, но ты будь осмотрительнее. И вот еще что... – Лев Ефимович помолчал. –

Я бы предпочел, чтобы ты вернулась в гостиницу. Сегодня пришло к тебе горничную, она перевезет все вещи из особняка в гостиницу.

– Я остаюсь здесь.

– Это не обсуждается. Ты знаешь, я готов на любые уступки, если вопрос не касается твоей безопасности.

– Ты что-то знаешь и не хочешь мне говорить?

– Если бы знал – сказал, – возразил Лев Ефимович.

– Ну хорошо. – Лионелла влезла под одеяло, чтобы согреться. – Но только горничную не присылай, она мне не нужна.

– Справишься сама?

– Все мои вещи остались в гостинице. Здесь только косметика.

– Позвоню тебе вечером.

– Целую. – Закончив разговор, Лионелла укуталась в одеяло и закрыла глаза.

На протяжении всего разговора она ожидала, что Лев спросит про Кирилла, он проявил деликатность. Ее чувство к мужу было собирательным и складывалось из благодарности, привязанности и нежелания что-то менять. Лев Ефимович все знал, но ему и этого было достаточно.

Согревшись, Лионелла все же нашла в себе мужество влезть под холодный душ. Потом быстро оделась, закинула в сумку косметику и вызвала такси.

В театр она приехала раньше обычного, из чего сделала

вывод, что холод дисциплинирует.

Побродив немного по кулуарам, Лионелла пошла в репетиционный класс. Поднялась по лестнице, приблизилась к закрытой двери и услышала из-за нее голос Магита:

– Ты не понимаешь, на кого замахнулась!

Магиту ответил голос его жены Веры Петровны:

– Мы двадцать пять лет женаты, но ты ни разу не дал мне приличной роли.

– Неправда!

– Что? – зло поинтересовалась Вера Петровна. – Скажи!

Приведи хоть один пример!

– А как же «Коварство и любовь»⁵?

– Побойся бога! Я играла там камеристку Софи!

– Зато в первом составе, – умиротворяюще обронил Магит. – Чего ты хочешь от меня, Вера?

– Чтобы ты перевел меня в первый состав и поставил играть премьеру.

– Да ты совсем ополоумела! Что я скажу Петрушанской?!

– Мне все равно.

– Она и так меня постоянно кусает.

– Если укушу тебя я, будет куда больнее, – пообещала Вера Петровна.

– Угрожаешь? – спросил Виктор Харитонович, и голос его изменился.

– Ты знаешь, о чем я говорю...

⁵ Пьеса Фридриха Шиллера.

– Одумайся, Вера. Стоит это сделать, и обратной дороги уже не будет.

– Если бы не ты, я стала бы примадонной! Но я всю жизнь посвятила тебе, дала возможность работать и развиваться. И как же бездарно ты распорядился своей судьбой!

– Я – художественный руководитель театра! Я – главный режиссер! – крикнул Магит.

– Короче, или переводишь меня в первый состав и даешь сыграть премьеру, или...

– Ты ставишь меня в безвыходное положение! – Голос Магита стал приближаться к двери.

Лионелла отскочила в сторону и встала за угол. Она услышала, как отворилась и захлопнулась дверь, однако шагов не услышала.

Немного выждав, Лионелла постучалась и вошла в репетиционную комнату.

– Доброе утро, Лионелла Павловна, – приветствовал ее Магит. – Вы сегодня – первая, если не считать Веры Петровны.

Следом в комнату вошла завтруппой Терхина.

Заметив Лионеллу, она удивилась:

– Что-то вы нынче рано...

– Привыкли к моим опозданиям?

– К этому невозможно привыкнуть. Вы подрываете дисциплину. В ответственный репетиционный период это недопустимо.

– Я не театральный человек, и мне бы хотелось знать...

– Что именно?

– Каков порядок действий в случае болезни артиста?

– Уже собрались болеть? – Терехина уставилась на Лионеллу. – Не рано?

– Болезнь не спрашивает нас, когда ей прийти. Не правда ли? – Лионелла призвала на помощь всю свою обходительность. – Спрашиваю наперед, чтобы потом не попасть в сложное положение.

– Когда заболите, сразу звоните мне. Мой телефон записан на стенде у кабинета директора.

– А если не смогу прийти на спектакль? – спросила Лионелла.

– Тогда сообщите за день. Мне будет нужно успеть вызвать замену.

– Значит, актеров на замену вызываете вы?

– Конечно.

– И Кропоткину?

– Не поняла...

– Вы вызвали Кропоткину заменять Костюкову?

– Я не обязана перед вами отчитываться, – возмутилась Терехина. – Достаточно того, что со мной говорил следователь.

Услышав перепалку, к ним подошел Магит:

– Вообще-то, Елена Васильевна, я тоже хотел узнать: почему вы пригласили Кропоткину, а не Петрову из второго

состава? Она была занята?

– Я никого не вызывала, – удивилась завтруппой.

– Тогда почему?

Терехина опасливо покосилась на Лионеллу, но все же ответила:

– Кропоткина позвонила мне сама и сказала, что вы ее вызвали.

– Я?! – Виктор Харитонович воскликнул чересчур эмоционально, чем привлек внимание жены.

– В чем дело? – поинтересовалась она.

– Представь себе, Вера, Кропоткина сказала Елене Васильевне, что это я вызвал ее на подмену Костюковой!

– А разве нет?

– Да я узнал об этом от нее же самой! Вспомни, это было на читке!

– Тогда кто же ее вызвал? – спросила Лионелла.

Однако на этот вопрос никто не ответил. В комнату вошли сразу несколько человек, и продолжать разговор было бессмысленно.

Вскоре все расселись за столом, и Магит объявил о начале второй читки.

– При выборе пьесы «Дядя Ваня» я составил свое первое впечатление, однако наша работа будет коллективной. Сегодня мы определим главную тему пьесы, раскроем основную идею и ее сверхзадачу.

– А я бы предпочла, чтобы задачу передо мной постави-

ли вы, — сказала Петрушанская. — Ваше дело режиссировать спектакль и определять сверхзадачи. Наше дело — играть.

— Рассуждаете так, словно вы — актриса из массовой сельского клуба! — вскинулся Магит. — Спектакль — дело коллективное. Извольте же и вы потрудиться.

— Изволим... изволим... — отходчиво проворчала примадонна.

С этой неприятной ноты и началась вторая читка, которая предполагала глубокое проникновение в заложенные смыслы и характеры пьесы.

Первые страницы пробежали вкратце, как говорят танцоры — «в полноги». Однако на диалоге Войницкого и Елены Андреевны задержались.

Все началось с фразы, которую прочитала Лионелла:

— А вы, Иван Петрович, опять вели себя невозможно. И сегодня за завтраком вы опять спорили с Александром. Как это мелко!

Строков прочитал свою фразу:

— Но если я его ненавижу!

— Ненавидеть Александра не за что, — прочитала Лионелла. — Он такой же, как все. Не хуже вас.

— Если бы вы могли видеть свое лицо, свои движения... Какая вам лень жить! Ах, какая лень!

— Ах, и лень, и скучно! Все бранят моего мужа, все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у нее старый муж!

После этих слов Магит торжествующе прокричал:

– Во-о-от! Вот она, истина! Елена Андреевна – прекрасная скучающая женщина. Но это еще не характер! Ее красота – искусственная, праздная, ненастоящая, относится только к внешности, а не к духовности. Елена Андреевна опустошает сердца мужчин, которые встречаются на ее пути. Она, как и ее муж, бездеятельная, праздная эгоистка!

На этих словах Магита в комнату вошла директор театра Валентина Ивановна. Она села у двери, и внимание всех участников читки переключилось на нее.

Директриса уверила, что просто посидит и послушает, но с этого момента читка проходила нервно и скомкано. Апогеем этой сумятицы явился пожилой артист Кондюков, назначенный на роль профессора Серебрякова. Сначала он пропускал свои реплики, а потом и вовсе заснул.

Окончательно расстроила читку актриса, пришедшая спустя полчаса. Она была худенькой, безжизненно-бледной, с убранными в пучок волосами.

– Кто это? – шепотом спросила Лионелла.

– Костюкова, – так же шепотом ответила Петрушанская. – В том роковом спектакле Кропоткина замещала ее.

Лионелла взглядела в Костюкову и вдруг поняла, что та похожа на балерину – такая же худая и легкая.

– А Костюкова была в караоке на юбилее Веры Петровны?

– Кажется, была... – припоминая, примадонна потерла пальцем висок. – Да-да! Точно была!

Глава 8

Любить не за что

После читки к Лионелле подошла завтруппой Терехина и спросила:

– Вас уже обмеряли?

– Кто? – не поняла Лионелла.

– Костюмеры снимали с вас мерки?

– Нет.

– Почему? – У Терехиной был такой вид, что, казалось, еще немного, и она, как обещал Магит, вцепится зубами в филейную часть Лионеллы.

– А мне никто не сказал, – ответила Лионелла.

– Идите в костюмерную, иначе к премьере останетесь без костюмов.

В костюмерную Лионелла пошла вместе с актрисой Костюковой.

В комнате, где стояли раскройный стол и три швейные машинки, их встретила костюмерша Тамара – бойкая пятидесятилетняя женщина. Она сняла мерки с Костюковой, и та быстро, словно ощущая свою вину, ушла.

Проводив ее взглядом, костюмерша чуть слышно проронила:

– Теперь нескоро отмоемся...

– От чего? – поинтересовалась Лионелла. – Она же ни в чем не виновата.

– Виновата не виновата, Кропоткина погибла из-за нее.

– Если бы не погибла Кропоткина, погибла бы Костюкова. Ей просто не повезло.

– Артисты – люди злые, будут травить. – Тамара сняла с шеи сантиметровую ленту и обхватила ею грудь Лионеллы, потом – талию и бедра. – У вас идеальная фигура.

Лионелла усмехнулась:

– Еще добавьте: для вашего возраста. Кстати, какой у меня объем бедер?

– Девяносто три сантиметра. – Тамара взяла листок и записала в столбик все измерения.

– Слышала, что Костюкова часто болеет, – сказала Лионелла.

– Болеет не она, а ее дети.

– Она замужем?

– За местным бизнесменом.

– Богатый человек?

– Не так чтобы слишком, но, судя по машине, квартире и двум загородным домам, на хлеб с маслом хватает.

– И что же... – Лионелла замаялась. – В театре у нее нет любовника?

Тамара отмахнулась:

– Какое там! Спектакль только закончится, Костюкова – сразу домой. Еще другие не переоделись, а она уже несет ко-

стюмы на склад.

– А мне сказали, что она и Кропоткина не поделили любовника.

Тамара замерла, словно прислушиваясь, потом переспросила:

– Костюкова и Кропоткина?

– Да.

– Быть такого не может.

– Почему?

– Кропоткина спала со всеми подряд. Но Костюкова... Нет. Я про такое не знаю!

– Вот вы говорите, что Костюкову будут травить... Ее не любят в театре?

– А за что ее любить? Дома, дорогая машина, муж, двое детей. – Тамара оглядела Лионеллу. – Думаете, вас очень любят?

– Я здесь недавно. Меня любить не за что.

– На вас кофточка за двадцать тыщ и туфли – за пятьдесят.

– Кропоткину тоже не любили?

– Ну, это другое дело... – заметила костюмерша.

– Другое – это какое?

– Она же была злая как собака. Да что я говорю... Вы сами с ней поругались.

– Вы обо всем знаете! – воскликнула Лионелла.

– А что вас удивляет, дорогуша? Мы с вами в театре работаем.

– Значит, вы считаете, что у Костюковой и Кропоткиной не было ссор?

– Откуда мне знать?

– Ну вы же сами только что говорили.

– Кропоткина с любым могла поругаться. Однажды ударила на сцене артиста Строкова.

– За что?

– С трех раз догадайтесь.

Лионелла предположила:

– У них была связь?

– Перепихнулись несколько раз, но Строков вернулся к Петрушанской.

– Как интересно. Петрушанская и Строков женаты?

– Ах, Лионелла Павловна, не смешите меня, пожалуйста.

У Петрушанской муж-профессор. У Строкова есть жена.

– Я поняла: они просто любовники.

– Приехали вместе после театрального училища и уже тогда крутили любовь.

– Кто бы подумал...

– А я видела ваш фильм про Варвару Воительницу.

– Понравилось?

– Очень! Особенно там, где вы в кольчуге и на коне. Костюмы очень тяжелые?

– В кино много бутафории. – Лионелла подошла к закрытому столу и взяла рисунок костюма. – Что это?

– Ваши платье и шляпка.

– Кто рисовал?

– Олышанский. В театре все говорят, что у вас с ним любовь. Это так?

– От вас ничего не скроешь...

– Простите, что брякнула, не подумав, – извинилась Тамара.

– Прощаю. – Лионелла положила рисунок на место. – Я еще нужна?

– Нет. Мы закончили.

* * *

Лионелла вошла в декораторскую, рассчитывая увидеть Кирилла на галерее под потолком. Но он стоял внизу на гигантском куске ткани и рисовал кистью величиной со швабру.

– Кирилл! Можно?

Он оглянулся:

– Стой там. Сейчас подойду. – Кирилл сделал несколько мазков и, оставив кисть на ведре с краской, медленно подошел к Лионелле.

– Видела эскиз моего платья, – нерешительно проговорила она.

– И что?

– Очень понравился.

– И ты пришла сюда, чтобы это сказать?

– Не только.
– Что еще?
– Не хочу потерять твою дружбу.
– Нельзя потерять то, чего нет. – Кирилл недовольно огляделся. – Послушай, мне надо работать.
– А я считала тебя другом, – сказала Лионелла.
– Дружба – это не про нашу историю. Я любил тебя, Машка. А теперь давай... – Он махнул рукой в сторону двери. – Уходи!

* * *

На лестнице Лионеллу догнал следователь Митрошников:
– Вы-то мне и нужны!
Словно не расслышав, она продолжала спускаться вниз по ступеням. Митрошников забежал вперед и перекрыл ей дорогу:
– Вы не слышите?
– Нет, не слышу.
– Бросьте ломать комедию! Наличие богатого мужа не дает вам права пренебрегать интересами следствия.
– Здраваться вас не учили? – спросила Лионелла и обошла Митрошникова.
– Здравствуйте! – гаркнул следователь, и Лионелла тут же развернулась к нему:
– Добрый вечер, Геннадий Иванович. Вам что-то нужно?

– Ну наконец-то! Нам надо поговорить. – Он огляделся: – Сядемте возле гардероба.

Они прошли туда и сели на скамью, повернувшись друг к другу.

– Я не нашел женщину, которая говорила с Кропоткиной, – начал Митрошников. – В труппе таких актрис нет. Никто из них не шел с Кропоткиной через сцену за три часа до спектакля. Никто не говорил с ней про зеркало и человека, которому нельзя отказать.

– А мне зачем об этом знать? – спросила Лионелла. – Это ваши проблемы.

– Сознайтесь, вы мне соврали?

– Нет. Я сказала правду.

Митрошников оглядел ее с ног до головы, и его вдруг прорвало:

– Чего вы крутите хвостом?! Чего вы хотите?!

– Не смейте так со мной говорить. – Лионелла встала и направилась к выходу.

Митрошников засеменил рядом с ней:

– Вы словно бельмо на глазу. Все видели, слышали, знаете, со всеми переругались.

Лионелла шла молча с гордо поднятой головой.

– Ну что вы молчите? – спросил следователь.

– Не считаю нужным говорить в таком хамском тоне.

– Я не хам.

– Вы сказали про хвост...

– Ну, хорошо, Лионелла Павловна. Извиняюсь. Поймите, мне необходимо составить картину в целом.

– Терехина и Магит не вызывали Кропоткину на подмену, – проронила Лионелла.

– Я знаю, но вы-то откуда знаете?

– Спросила, и мне ответили.

– У вас, я смотрю, все очень просто.

Они вышли на улицу и, продолжая говорить, зашагали к гостинице.

– Считаете, что все надо усложнять? – спросила Лионелла. – Лучше разузнайте, кто скрутил крепеж тросов.

– Откуда вам это известно?! – Митрошников схватил ее за рукав и заставил остановиться.

– Теперь и дураку ясно, что это было убийство, – проронила она.

– Откуда вы это знаете?! – рассвирепев, крикнулследователь.

– А говорите – не хам. – Лионелла отдернула свой рукав и направилась дальше.

– Откуда у вас эта информация? – Митрошников в третий раз задал свой вопрос и сам на него ответил: – Да-да... Я все понял. Ваш муж думает, что за деньги все можно купить?

– Он не думает. Он покупает.

– Если бы вы не были женщиной... – Митрошников остановился.

Лионелла прошла несколько шагов и с вызовом разверну-

лась:

– То что?

– Вы бы схлопотали по фейсу.

– У вас не хватило духу сказать слово «морда». Думаю, до драки бы тоже не дошло.

Митрошников тихо выругался и, повернувшись, зашагал назад.

Оставшийся квартал до гостиницы Лионелла преодолела в одиночестве. Вернувшись в номер, она вытряхнула из сумки косметику, открыла окно и, постояв возле него, отправилась в душ.

В половине одиннадцатого ей позвонил муж.

Лионелла глядела на вспыхнувший экран до тех пор, пока звонок не утих, потом отключила телефон и сразу заснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.